

Жарова Ирина Юрьевна

ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ С. Т. СЛАВУТИНСКОГО "ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕДА"

В статье сопоставляются произведения А. С. Пушкина "Дубровский" и С. Т. Славутинского "История моего деда", прототипом одного из главных героев которых стал помещик Л. Д. Измайлов. Проанализированы сходные сюжетные линии, особенности развития конфликта, образы основных персонажей. Сделан вывод, что рязанский писатель использовал роман А. С. Пушкина в качестве сюжетной основы, однако в центр внимания поставил социальные проблемы неравенства и несправедливости, считая их наиболее губительными для общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В заключение можно отметить, что отношение казанских критиков к проблеме взаимоотношений интеллигенции и народа в прозе и драматургии А. П. Чехова не всегда было однозначным, однако авторы публикаций высоко ценили нравственную и просветительскую роль беллетристических произведений. Как показывает анализ критических публикаций в казанских газетах, на интеллигенцию возлагалась важная миссия, которую представители образованной России в произведениях А. П. Чехова не всегда могли достойно воплощать в жизни.

Список литературы

1. Г-ев В. Литературные наброски. Фальшивое народолюбие // Камско-Волжский край. 1897. № 370 [Ценз. экз.].
2. И. Л. Современные богатыри (Памяти писателя А. П. Чехова) // Казанская газета. 1904. № 30.
3. М. М. [М. Л. Мандельштам]. Критические наброски. «Чайка». Комедия в 4-х действиях Чехова. (Продолжение) // Казанский телеграф. 1899. № 1899 [Ценз. экз.].
4. Одинокий М. Литературная летопись. VIII. А. П. Чехов и народные учителя // Город Казань. 1914. № 273.
5. Одинокий М. Литературная летопись. VIII. А. П. Чехов и народные учителя (Окончание) // Город Казань. 1914. № 274.
6. П-в В. А. П. Чехов и его «мужики» // Волжский вестник. 1897. № 13.
7. Перцов П. А. Чехов и его «Соседи» // Волжский вестник. 1892. № 195. С. 3-4.
8. Перцов П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. М. – Л.: Изд-во: АCADEMIA, 1933. 322 с.

VIEW OF KAZAN CRITICISM AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES ON RELATIONS BETWEEN PEOPLE AND INTELLECTUALS IN THE WORKS BY A. P. CHEKHOV

Ershova Alina Andreevna
Kazan Federal University
alina.e@mail.ru

The article studies the question of Kazan criticism reception of the relations between people and intellectuals at the turn of the XIX-XX centuries in the works by A. P. Chekhov, in particular, considers the types of folk teachers in the writer's prose, the reality depicted in the story "The Peasants", the perception of life in the story "The Neighbours", and the type of a main character in the play "The Seagull". This material allows revealing the specificity of the social and political attitudes of provincial critics and the features of Kazan literary criticism.

Key words and phrases: reception; A. P. Chekhov; Kazan; provincial criticism; populism; intellectuals; Volzhsky Vestnik (Herald); P. Pertsov; Kazan telegraph; Kama-Volga region.

УДК 821.161.1

В статье сопоставляются произведения А. С. Пушкина «Дубровский» и С. Т. Славутинского «История моего деда», прототипом одного из главных героев которых стал помещик Л. Д. Измайлов. Проанализированы сходные сюжетные линии, особенности развития конфликта, образы основных персонажей. Сделан вывод, что рязанский писатель использовал роман А. С. Пушкина в качестве сюжетной основы, однако в центр внимания поставил социальные проблемы неравенства и несправедливости, считая их наиболее губительными для общества.

Ключевые слова и фразы: образ помещика; идейное своеобразие; персонаж; повесть XIX в.; реминисценции.

Жарова Ирина Юрьевна, к. филол. н.
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
i-u-zharova@rambler.ru

**ПУШКИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ
С. Т. СЛАВУТИНСКОГО «ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕДА»**

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ № 15-14-62001 а(р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

Образ Л. Д. Измайлова (1764-1834), рязанского помещика, известного своими эксцентричными поступками, привлекал многих писателей XIX в. По утверждению И. В. Грачевой, он послужил прототипом для произведений А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, С. П. Жихарева, Н. А. Некрасова и др. [1]. Рязанский писатель, С. Т. Славутинский, обращался дважды к данному образу: в повести «История моего деда» (1858) и очерке «Генерал Измайлов и его дворня» (1876).

В предисловии к «Истории моего деда» С. Т. Славутинский сделал прямую отсылку к роману А. С. Пушкина «Дубровский» (1832) [5], отметил основное сюжетное отличие: отсутствие романтического героя («сын... не являлся мстителем за отца» [Там же]). «Историю моего деда» можно рассматривать как детальное изложение некоторых повествовательных звеньев «Дубровского» («любая из новелл подготавливает следующую, но легко могла быть продолжена иначе» [3]): ссора двух помещиков, суд, сумасшествие героя, его смерть.

В произведениях прослеживаются явные сюжетные параллели, в основе которых лежат известные развлечения Л. Д. Измайлова. Если в романе «Дубровский» травля людей животными представлена детально (дрессировка животного, описание «забав» Кирилы Петровича с помещиками, борьба зверя с Дефоржем), то в «Истории моего деда» эта «игра» лишь включена в перечень «мерзостей», которые совершал Любецкий со своими гостями-дворянами («князь ... прикажет еще своим холопам сделать какую-нибудь мерзость над несчастным приживальцем: потравить его, будто невзначай, собаками, напустить ночью на него медведя и тому подобное» [5]).

Иную интерпретацию получила сцена с псарем. Слуга Троекурова позволяет себе пренебрежительное замечание в сторону Дубровского: «иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее, и теплее» [4, с. 440]. Это высказывание было воспринято помещиком как оскорбление, и он покинул охоту. Во время беседы Кириле Петровичу принесли новорожденных щенят, «он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить» [Там же]. В «Истории моего деда» аналогичный эпизод имеет более гротескный характер: в центре описания жестокость Любецкого, что подчеркивается реакцией его слуги, который «дрожал всеми членами, лицо его выражало непритворный ужас» [5]. Собака, за которой должен был присматривать псарь, умерла, оставив несколько щенят «на утешение хозяина» [Там же]. Туренин уехал с охоты, не желая быть свидетелем расправы: «я не привык и не хочу смотреть, как бьют человека». Автор акцентирует внимание на антагонизме характеров персонажей.

Также в обоих произведениях есть сцены пожара. Однако усадьбу Дубровских сжег сам Владимир Андреевич, чтобы она не досталась Троекурову. В повести С. Т. Славутинского имение Любецкого в Лимаве было сожжено крестьянином из Волтуховки (отсуженного села). Преступление имеет чисто личные мотивы: новый владелец, Любецкий, не позволил Антону Никитину жениться на любимой девушке и несколько раз подвергал наказанию плетью за неповиновение. И если в причастности молодого Дубровского к преступлению не сомневался никто, то Туренина невозможно было заподозрить в непосредственном участии: в это время он находится в Москве.

Помимо явных параллелей в сюжетной линии, можно заметить сходство в описании психологического состояния героев: Андрей Гаврилович Дубровский после суда «забывал прежние свои занятия» [4, с. 447], Николай Михайлович Туренин «кинул совсем он свои прежние забавы: псовую охоту, рыбную ловлю и пчеловодство» [5]. Однако если в романе А. С. Пушкина данная ситуация привела к скорой смерти героя, то в повести С. Т. Славутинского ознаменовала новую, наиболее тяжелую главу в жизни – сумасшествие.

Потеря рассудка у Дубровского носит внезапный характер («вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя» [4, с. 446]), объясняется сильным эмоциональным потрясением и более не возобновляется. Болезнь Туренина была также вызвана длительным бессмысленным судебным процессом, разорением, нереализованным желанием мести. Герой так и не оправился, в течение 12-ти лет, до смерти, с ним случались «припадки»: во время приступа он чуть не зарубил топором дворового, сутками стоял на морозе, произнося речи. В повествование включен рассказ слуги, Петра Леонтьева, видевшего в произошедшем мистическую причину: на одном из вечеров Туренин присутствовал с Барсеньевым, который разозлил кого-то из гостей своими насмешками: «дед... спросил себе стакан воды. Слуга, который подал воду, войдя в переднюю проговорил будто бы: “Эх, жаль! не тому попало. Думали, что Сергей Андреевич спрашивает!”» [5]. Сумасшествие персонажа – важная сюжетная линия в повести рязанского писателя. С. Т. Славутинский подчеркивал, что социальная несправедливость, преступное отношение чиновников к своей работе приводит к трагическим последствиям.

Отличия, в первую очередь, касаются сюжета: если в «Дубровском» конфликт двух помещиков старшего поколения становится завязкой для основного противостояния Дубровского-младшего и Троекурова, то в «Истории моего деда» спор между Турениным и Любецким является основой повествования.

В отличие от конфликта героев А. С. Пушкина, который вспыхнул сразу и привел к судебному разбирательству, отношения Туренина и Любецкого разрушались постепенно: первая ссора была связана с неудачной кампанией Туренина против разбойника Веревкина.

Возможно, образ Владимира Дубровского использовался рязанским писателем для создания предводителя разбойничьей шайки, крестьянина села Ловцова. Эпизоды, посвященные его действиям, имеют яркие признаки романтизма и стилистически выделяются из общего повествования. Ограбления названы «отважными, дерзкими до безумия» [Там же], сама шайка состоит из пятнадцати человек, которым свойственна «отчаянная, дикая, стремительная отвага» [Там же] (ср. «начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием... предводительствовал отважными злодеями» [4, с. 458-459]).

Развитие конфликта в «Истории моего деда» предопределено, что подчеркивается сценой появления юродивого Васи: «едва мог разобрать зловещее предсказание... Беда грозила Васе и самому Туренину, но в чем должна была заключаться эта беда, нельзя было распознать» [5].

Главным героем является сам помещик, Николай Михайлович Туренин, обладатель сильного характера: «правдивость в действиях и словах, верность в дружбе... он был смел и пылок... отличался необыкновенной терпимостью...» [Там же]. Его отрицательные черты: склонность к расточительству, лень, нежелание заниматься хозяйством, неумение планировать, – объясняются внешними обстоятельствами: «его воспитание, прежняя жизнь и привычки, а в особенности примеры окольных помещиков» [Там же]. Описание характера Туренина представляет собой попытку создания цельного и противоречивого образа, однако действия героя не вытекают из представленного автором характера, что является яркой чертой раннего творчества С. Т. Славутинского.

Следующим отличием в системе образов стало наличие близкого друга Туренина – Сергея Андреевича Барсенева. Данный герой был необходим, во-первых, чтобы подчеркнуть характеристики главного героя: «как и он

[Туренин], добрый, благородный, человек, отличался игривым, насмешливым умом» [Там же]. Во-вторых, его наличие снимало напряженность противостояния между Турениным и Любецким, создавая противостояние между группами персонажей, в то время как конфликт между Дубровским и Троекуровым был сугубо личным.

Используя в качестве прототипа одно и то же историческое лицо, оба автора в своих героях отразили характерные черты личности генерала Измайлова: злопамятство, непостоянство, вспыльчивость, мстительность: «буйные его увеселения» [4, с. 438], «властолюбивый и настойчивый характер» [5]. В связи с тем, что роман «Дубровский» уже был широко известен читателю, С. Т. Славутинский стремился ввести в образ Любецкого черты, отличающие его не только от прототипа, но и от Троекурова. Кроме того, оставаясь приверженцем идеи необходимости общего нравственного воспитания, стремился продемонстрировать характер своего героя как результат общего состояния общества: Кирила Петрович «в домашнем быту выказывал пороки человека необразованного... ограниченного ума» [4, с. 438], князь Любецкий некоторое время находился при дворе Екатерины, бывал за границей, что «смягчило его» и «будь дворяне его уезда посамостоятельнее, отношение к ним князя, несмотря на его природный характер, были бы не слишком тяжелы» [5]. В «Истории моего деда» впервые в творчестве рязанского писателя прозвучала идея невозможности социального развития человека без формирования морально-этических качеств: некоторые соседи Туренина «выкупали нравственными качествами полный недостаток образования» [Там же], в то время как жестокий князь Любецкий был образованным человеком.

Троекуров представлен как барин-самодур, занятый только развлечениями. Отмечается его вседозволенность: «заседателя... он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон...» [4, с. 448]. Образ Любецкого приобретает более негативные черты, в том числе, в связи с тем, что он является предводителем дворянства. Рязанский писатель в ранних повестях стремился представить не героя с его личностными качествами, а некую социальную роль, которая исполняется не должным образом. Если в начале повести причинами подобного поведения названы личные недостатки персонажа, то в дальнейшем проблема вырастает до уровня целой губернии: «...на ту пору в Рязани были губернские выборы... Претенденты на главные должности... привозили с собою целые толпы избирателей, которых они на ту пору, на свой счет, одевали, кормили и поили».

Рассказ о тяжбе Туренина и Любецкого прерывается сообщением о конфликте в Москве между купцом и И-вым, неким молодым представителем высшего общества, богатым и развращенным, приятелем князя Z. В ходе одной потех, люди И-ва высекли купца, однако «князь Z призвал к себе купца и объявил ему, что если он осмелится рот разинуть, то как раз найдет себе место там, “куда Макар телят гоняет”» [5]. В рамках сюжета данное происшествие было необходимо для объяснения причин, по которым Туренин не стал обращаться к высоким покровителям: для человека его нравственных качеств было невозможно просить о помощи у подобных людей. Это отступление также служит основной идее С. Т. Славутинского: сходные социальные проблемы охватывают все слои населения, не зависимо от материального благополучия и статуса людей. Таким образом, частная проблема поднимается на максимально обобщенный уровень.

Безусловно, отличительные черты можно выявить в стилистической специфике произведений. В целом, рязанского писателя характеризует большее стремление к фактографической основе сюжета, так как стиль С. Т. Славутинского формировался под влиянием деловой документации. Для его ранних повестей характерна четкая датировка, обозначение местности, обрисовка социальной обстановки. В каждом произведении этого периода определяется проблема: отрыв человека от родных корней и как следствие общий нравственный и экономический упадок в обществе [2, с. 14].

«Дубровский» создавался как авантюрный роман, в котором центральными конфликтами были межличностный и семейно-бытовой, в основе повести С. Т. Славутинского лежит социальный конфликт. Влияние романтизма в повести рязанского писателя проявляется в сообщении о генеалогическом древе рода Турениных: некое семейное проклятие («не было ни одного из его потомков, кто бы повел и кончил жизнь спокойно» [5]), пленение крымскими татарами и казни, значительное богатство, бесследно исчезнувшее во время скитаний предков. В целом, события, произошедшие в жизни Туренина, представлены как злой рок.

В отличие от А. С. Пушкина, представляющего события в хронологической последовательности, события в повести С. Т. Славутинского связаны между собой логикой изложения. Рассказчик, в первую очередь, передает события, имеющие ассоциативную связь. Иллюзия непосредственной беседы с читателем возникает и за счет контекста: «я забыл сказать, что у деда моего...» [Там же].

Если в жанровом отношении «Дубровский» имеет черты как романа, так и повести, то «История моего деда» охарактеризована как «отрывки из записок», что демонстрирует максимально личный характер произведения, однако не имеет художественной реализации: отношение повествователя к описываемому прослеживается только в эпизодах, посвященных отдельным проблемам: судебная система, выборы, чиновничий произвол.

Таким образом, для демонстрации собственных взглядов на развитие общества, прототипом одного из персонажей С. Т. Славутинским был выбран генерал Л. И. Измайлов. Данный образ можно было использовать в качестве яркого примера губительного действия, которое оказывают необразованность и неразвитость обеспеченных людей на общество в целом. В качестве основы рязанский писатель использовал незаконченный роман «Дубровский», детальнее разработав сюжетные линии, лишь упомянутые А. С. Пушкиным, отказавшись от романтического наполнения своей повести и создав альтернативный вариант развития действий. Не стоит исключать, что, воспользовавшись узнаваемым сюжетом и действующими лицами, С. Т. Славутинский стремился привлечь внимание читателей на типичность изображенной ситуации, причины которой он видел в духовно-нравственных проблемах общества.

Список литературы

1. Грачева И. В. Легендарный прототип [Электронный ресурс]. URL: http://data2.lact.ru/fl/s/51/887/basic/1361/255/Sledopyit_14_maket-pechat_.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
2. Жарова И. Ю. Идейное своеобразие ранних повестей С. Т. Славутинского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (55). Ч. 2. С. 12-15.
3. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина и пути ее эволюции [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=X_C15eiUAxM%3D&tabid=10358 (дата обращения: 23.08.2016).
4. Пушкин А. С. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 2. 686 с.
5. Славутинский С. Т. История моего деда [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/slavutinskij_s_t/text_1858_istoria_moeogo_deda.shtml (дата обращения: 19.08.2016).

**PUSHKIN'S REMINISCENCES IN THE STORY
BY S. T. SLAVUTINSKII "MY GRANDFATHER'S STORY"**

Zharova Irina Yur'evna, Ph. D. in Philology
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
i-u-zharova@rambler.ru

The article compares the works by A. S. Pushkin "Dubrovsky" and S. T. Slavutinskii "My Grandfather's Story" the prototype of one of the main characters of which became the landowner L. D. Izmailov. The author analyzes the similar story-lines, the peculiarities of conflict development, main personage images. The paper concludes that Ryazan writer used A. S. Pushkin's novel as a plot basis but he emphasized the social problems of inequality and injustice which, to his opinion, are the most destructive for the society.

Key words and phrases: landowner's image; ideological originality; personage; story of the XIX century; reminiscences.

УДК 821.161.1.09"1992 / ... "(045)

В статье представлен исследовательский материал, касающийся анализа эмотивности филологического романа. На примере произведения П. В. Басинского «Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти» выявлена специфика изображения взаимоотношений двух великих русских писателей М. Горького и Л. Н. Толстого, где эмотивный план представляет интерес не только с точки зрения воспроизведения характеров изображаемых личностей, но и с позиции демонстрации писателем литературоведческих, биографических, социокультурных знаний. Статья содержит теоретические рассуждения, касающиеся возможности расширить ряд общих и частных практик анализа филологического романа как особого повествования.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; филологический роман; авторская стратегия; темпоральность; сюжетность; вымысел.

Жиндеева Елена Александровна, д. филол. н., доцент
Харитонов Алексей Олегович
Мордовский государственный педагогический институт
elenazhindeeva@mail.ru

**ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ДВУХ ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ПОВЕСТВОВАНИЯ П. В. БАСИНСКОГО
«СТРАСТИ ПО МАКСИМУ. ГОРЬКИЙ: ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ»**

Произошедшая за последние десятилетия смена векторов изучения литературоведческой парадигматики художественных жанровых структур привела к исследованию в общенаучном методологическом аспекте междисциплинарных связей тех наук, где объектом наблюдений становится текст, в том числе и художественный. Пограничные научные области, расширяющиеся за счет объемного и многоаспектного синтеза знаний о рассматриваемом предмете, позволяют сформулировать все новые концепции и прописать их составляющие относительно изучения авторского присутствия в художественном произведении, что продуктивно сказывается на изучении его эксплицитно и имплицитно значимых аспектах понимания, к которым мы, в первую очередь, относим изображение эмотивного плана произведения.

Появление новых теорий привело к возросшему интересу к недостаточно изученным вопросам эмотивности художественного произведения в целом, и филологического романа как особой жанрово-родовой разновидности современного повествования в частности. Маркированность понятия филологического повествования уже сама по себе нацелена на воспроизведение авторской рефлексии, причиной которой является изображаемая писателем литературно-общественная жизнь в совокупности с трансляцией личного, порою довольно спорного, мнения о творчестве того или иного писателя.